

А.В. Новиков

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

A. V. Novikov

MENTAL PREREQUISITES OF ECONOMIC ACTIVITIES IN THE RUSSIAN SOCIETY

В статье рассматриваются процессы формирования ментальности российского общества, становление неформальных институтов и их воздействие на хозяйственное поведение людей. Анализируются подходы к пониманию богатства и бедности в российской традиции. Подчёркивается необходимость учёта традиций, определяющих и гарантирующих сохранение постоянства и устойчивости нации, при проведении социально-экономических реформ.

Ключевые слова: ментальность, социально-экономические преобразования, хозяйственная деятельность, национальная специфика, богатство.

Processes of mentality forming of the Russian society, formation of informal institutes and their influence on economic behavior of people are considered in the article. Approaches to understanding of riches and poverty in the Russian tradition are analyzed. Necessity of accounting of the traditions determining and warranting preserving of a constancy and stability of the nation at realization of social and economic reforms is underlined.

Key words: mentality, social and economic transformations, economic activities, national specificity, riches and poverty.

Макроэкономическое положение России в конце XX в. было достаточно тяжёлым. Основные показатели иллюстрируют снижение эффективности национальной экономики, резкий спад объемов производства, снижение уровня и качества жизни населения, ухудшение состояния окружающей среды, то есть резкую деградацией политической и социально-экономической ситуации в стране. Однако больше всего пострадала не хозяйственная сфера, не система власти, а, по определению А.А. Зиновьева, «третья основная сфера страны — ментальная» [6, с. 345–346], то есть то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о мире. Другими словами, — идеологическое, психологическое и моральное состояние российского населения, которому был нанесен колоссальный ущерб.

В процессе формирования национального менталитета каждого народа важную роль играют специфические условия его социально-экономического, общественного и государственно-политического развития, в ходе которого складываются социальная психология, традиции, обычаи, культура, присущие только ему и отличающие его от других народов, закрепляющиеся на генном уровне народа.

Мироощущение и мировосприятие людей данного общества, их верования, навыки мышления, социальные и этнические ценности, сложившиеся в течение длительного времени нормы морали и традиции в каждую эпоху и в каждом обществе взаимосвязаны и образуют некую модель мира, которая является основой менталитета нации. Именно менталитет определяет экономические, политические, социальные отношения, социально-культурное и социально-экономическое мышление и, как следствие, мотивированное поведение отдельного человека и нации в целом, то есть хозяйственный строй.

В частности, менталитет народа реализуется через представления о богатстве и сложившееся отношение к богатым, что в большой степени определяет экономическое поведение и является показателем уровня развития рыночных отношений, степени имущественного и социального расслоения, а также готовности народа к рыночным реформам.

Традиционно понятие богатства на Руси было неоднозначным. Богатство в смысле зажиточности, довольства, сытости было тесно связано с личным трудом и обеспеченностью семьи продовольствием и имело положительный оттенок. Труд почитался крестьянами в качестве первоосновы материального благосостояния и нравственного поведения: «Без труда нет добра»; «Труд кормит и одевает» [4]. Так, в Смоленской губернии богатым считался крестьянин, полностью обеспечивающий потребности семьи собственным хлебом. «Затем степень зажиточности уже определялась тем временем, когда крестьянин начинает покупать хлеб: «до Рождества, до Масляной, после Святой, только перед новью [13, с. 487]». При этом понятия «богатство» и «довольство» могли противопоставляться: «Богатым быть трудно, а сытым (а довольным) не мудрено». Богатство как явление положительное связывалось с наличием ума и со способностью самостоятельно мыслить: «Богатство ум рождает»; «Смотря на людей, сыт не будешь». Идеальное представление крестьянина о богатстве ассоциировалось «не с количеством материальных благ, а с полнотой бытия», не было противопоставления материального богатства духовному, экономического благосостояния нравственному совершенствованию, а «спутником материального достатка» должно было быть «нравственное и душевное здоровье» [3, с. 57–74]. С другой стороны, богатство, понимаемое как обладание имуществом и деньгами, позволявшими иметь сверх необходимого, используемое как источник извлечения новой прибыли, приближалось к понятию «капитала» и имело явно осуждающий оттенок. Наличие психологической ориентации на использование собственности в качестве капитала было для крестьян самым точным индикатором, помогавшим определять «кулака». Кулак — это характеристика не столько имущественного состояния крестьянина, социальная характеристика, сколько состояние его души.

Такое богатство, его происхождение и рост связывались не с трудовой деятельностью, а с несправедливыми, не соответствовавшими христианской морали делами и

прямым обманом: «В аду не быть, богатство не нажить»; «От трудов праведных не нажить палат каменных».

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом: «Богатство перед Богом — большой грех»; «У кого деньги вижу, — души не вижу»; «Пусти душу в ад — будешь богат». Отсюда следовали выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом» [4].

То есть образ бедняка больше согласовывался с народным идеалом. Отсюда особое отношение у русского человека к юродивым, «несчастненьким», как особо отмеченным Богом. «Бедность — святое дело»; «Богат, да крив, беден, да прям»; «Бедность не порок, а несчастье».

«Домострой» — свод житейских предписаний и наставлений, составленный в XVI в. священником Сильвестром, проводил идею неразрывности экономической жизни с практической духовностью, что должно было быть отражено в построении саморегулируемого хозяйства, ориентированного на разумный достаток. Идеал такого хозяйства — праведный труд, основанный на духовности и нравственности: «Краше быть в праведном убожестве, чем в неправедном богатстве».

Н.О. Лосский приводит наблюдение Вальтера Шубарта, прибалтийского немца, написавшего книгу «Europa und die Seele des Ostens» («Европа и душа Востока») о том, что «русскому и вообще славянам свойственно стремление к свободе, не только от ига иностранного народа, но и свободе от всего преходящего и бренного». Это отличительная черта русского характера: «У европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти; у русских богатый зачастую смотрит на бедного со стыдом. У западного человека сердце радостнее бьется, когда он обозревает свое имущество, а русский при этом чувствует порой угрызения совести. В нем живо чувство, что собственность владеет нами, а не мы ею, что владеть значит быть в плену у того, чем владеешь, что в богатстве чахнет свобода души, а таинство этой свободы и есть самая дорогая святыня» [8, с. 50].

В преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными интересами заключается суть черты, которую О. Платонов называет «нестязательством» и которая характерна для большинства россиян — отсутствие стремления к алчному накоплению денег, страсти к наживе. Суть его заключена в русских пословицах: «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи»; «Живота (богатства) не копи, а душу не мори»; «Не о хлебе едином жив будешь»; «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою» [10, с. 51]. «Нестязательство» было идеологией трудового человека Древней Руси, в значительной степени повлиявшей и на его дальнейшее развитие.

Даже в среде крупной российской буржуазии, среди богатых промышленников и купцов название права собственности «священным» было бы кощунством. В иерархии ценностей русского купечества к концу XIX в. богатство занимает не главное место, его начинают рассматривать как средство жить независимо, открыть свое дело, иметь возможность вести благотворительную и культурную деятельность. (Достаточно вспомнить имена С.И. Мамонтова, П.М. и С.М. Третьяковых, С.Т. Морозова и многих других).

Характерным является отношение к чужому имуществу. Посягнуть на него — страшный грех. «Лучше по миру собирать, чем чужое брать»; «Хоть в латаном, да не в хватаном»; «Не береги своё, береги чужое». Для западного бюргера такая фраза была бы бессмыслицей [4].

Таким образом, к богатству и богачам, к накопительству русский человек относился если не недоброжелательно, то с большим подозрением. Стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ выше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. О. Платонов формулирует бытовавшие среди крестьянских мудрецов и бывалых людей истины, идейно-нравственное содержание которых состоит в следующем: «Богатство человека состоит не в деньгах и комфорте, не в дорогих и удобных вещах и предметах, а в глубине и многообразии постижения сущности бытия, стяжании красоты и гармонии мира, создании высокого нравственного порядка» [10, с. 53–54]. В то же время, безусловно не поощряя излишеств, подозрительно относясь к роскоши, крестьянин стремился к достатку, выраженному в достаточности жизненных благ и для отдельного двора, и для деревни в целом [1, с. 309].

Показательно, что девизом дореволюционных «Биржевых ведомостей» было: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли», а присяга биржевого брокера гласила: «Я, ниже поименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием, в том, что по принимаемой мной обязанности маклера... исполнять все предписанные и впредь предписываться могущие правила, и оправдывать сделанное мне доверие не по одному опасению законных наказаний, а по чистой совести и в страхе Божиим; из пристрастия же, корысти, дружбы или вражды, противно должности моей, отнюдь не поступать; в чем целую слова и Крест Спасителя моего, Аминь» [11, с. 45–53].

К несчастью для России, в результате усиленного насаждения западных стереотипов экономического поведения произошел отрыв большей части нашей элиты, в руках которой волею случая оказалась экономическая власть над российским народом, от той нравственно-этической основы общества, на которой строилось здание экономики Российской империи. Направленность на личное обогащение в ущерб интересам государства и народа, которая не была свойственна исторически сложившемуся менталитету россиян, стала не только завоевывать умы элиты, но и изменять с угрожающей быстротой ментальность народа, и в первую очередь молодого поколения, формировавшегося уже в новых условиях дикого капитализма последнего десятилетия XX в. [12, с. 175]

На это указывают результаты многочисленных социологических опросов, направленных на выяснение ценностной ориентации молодежи, проводившихся в последнее время в среде студентов вузов ряда городов. Так, например, по данным, приводимым Ю.Р. Вишневым и В.Т. Шапко, приоритетными жизненными целями большинства респондентов являются высокий заработок, богатство, а высокий рейтинг имеют «рыночные» качества (предприимчивость, деловитость, инновационность) при низких оценках нравственно-коммуникативных качеств [2, с. 62].

Данные, полученные Институтом комплексных социальных исследований РАН, показывают, что до 40 % молодежи готовы преступить черту закона и моральные нормы для достижения своей цели [7, с. 78].

Конечно, можно возразить, что это естественный ход событий и изменение менталитета народа в сторону соответствия «более прогрессивному» строю поможет нам приблизиться к идеалам западной цивилизации. Однако нельзя забывать, что черты менталитета, национального характера, традиции и делают любой народ

именно данным народом. Их полная утрата, полное преобразование означает потерю национальной самобытности, гибель народа, этноса. «Народ, даже утративший свою государственность и свободу, всё же продолжает существовать, но утрата традиций означает исчезновение народа» [9, с. 34]. Традиции — основа жизни любого общества, именно они гарантируют сохранение того постоянства и устойчивости, которые и делают народ, нацию, этнос исторической реальностью.

В «Соборном слове» XI Всемирного русского народного Собора, проходившего в 2006 г. и посвященного вопросам богатства и бедности («Богатство и бедность: исторические вызовы России») сказано: «Порочный курс на личное обогащение в ущерб интересам государства и народа чужд исторически сложившемуся российскому общественному укладу. Проблему бедности следует решать конкретными политико-экономическими средствами с учетом краеугольных ценностей, присущих нашей национальной традиции. Наш народ, сохранивший от предков высокую нравственную чуткость, продолжает считать законными и справедливыми трудовые доходы, а не «легкие» и уж тем более не криминальные деньги. Россия никогда не поклонялась золотому тельцу, помня, что «не в силе Бог, а в правде» [5, с. 84–94].

Об этом мы не должны забывать, если хотим сохранить Великую Россию для будущих поколений.

Литература

1. *Алпатов Г.Е.* Предпринимательство и труд. Ключевая причина безработицы. // Современные проблемы науки и образования, 2012, № 2.
2. *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Студент 90-х — социокультурная динамика. // Соц. ис., 2000, № 12.
3. *Гордон А.В.* Хозяйствование на земле — основа крестьянского мировосприятия. // Менталитет и аграрное развитие России. (XIX–XX в.) Материалы междунар. конф. 14–15 июня 1994 г. — М., 1996.
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. — М., 1957.
5. Журнал Московской Патриархии, 2007, № 3.
6. *Зиновьев А.А.* Гибель русского коммунизма. — М., 2001.
7. *Карпунин О.И.* Культура и молодёжь. // Вестник аналитики, 2006, № 3.
8. *Лосский Н.О.* Характер русского народа. Диалог времён и народов. // Философия и жизнь, 1991, № 2.
9. *Панфилов О.М.* Парадокс традиции. // Традиции и обновление. Диалог мировоззрений. Ч. 1. Материалы междунар. симп. 6–8 июля 1995 г. — Н. Новгород, 1995.
10. *Платонов О.* Русская цивилизация. — М. 1995.
11. *Фальцман В.* Российское предпринимательство с позиций христианской морали. // Вопросы экономики, 2000, № 8.
12. *Феофилова Т.Ю.* Теоретическое обоснование регионального социально-экономического развития: формирование понятийно-терминологической системы. // Ученые записки РГГМУ, 2011, № 21, с. 172–180.
13. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем. 1872–1887. — М., 1987.